

ИНТЕРВЬЮ

НАША ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ — ФАНТАСТИЧЕСКОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ. БЕСЕДА МИХАИЛА ЯСНОВА И ДЖУЛИИ ДЕ ФЛОРИО

Дж. Ф.: Михаил Давидович, начнем с конца: какова ситуация в русской детской литературе сегодня?

М. Я.: Ситуация уникальная. Насколько я помню, — а я начал заниматься детской литературой и писать стихи для детей в начале семидесятых годов — при советской власти всегда все было хорошо и обсуждать особо было нечего. В конце восьмидесятых, в девяностые годы начались сложности, казалось, что детская литература прекращает свое существование: во-первых, потому что тогда мы даже не представляли себе, какая существует детская литература за границей — во Франции, в Англии, в Италии, в скандинавских странах, а тут вдруг в начале девяностых годов хлынул на рынок поток переводной детской литературы высокого качества, появились маленькие издательства, которые прежде всего обратили внимание на то, что творится в зарубежной детской литературе. Упал железный занавес, и мы увидели всю красоту и всю панораму детской иностранной литературы. В течение девяностых годов мы получили первую волну того, чего у нас раньше не было. Затем, когда детская зарубежная литература превратилась уже во вполне значительную часть нашего чтения, обозначились другие подспудные течения: нам казалось, что мы, наше поколение, — последние, что за нами никого нет, нет молодых писателей, никто больше не придет в детскую литературу. К счастью, мы ошиблись: во-первых, потому что детские писатели все равно всегда появляются, независимо ни от чего, во-вторых, оказалось, что школа, семейное воспитание,

стали подбрасывать в эту нашу общую печку свои дрова. Вскрылись серьезные проблемы и изъяны педагогики, школа перестала выполнять те функции, которые она выполняла в советское время. Многие были в растерянности, мы не понимали, как урегулировать эту новую систему. В итоге энтузиазм девяностых породил безусловный интерес к детской литературе как существенной части воспитания. И вот тут на стыке тысячелетий, в начале 2000-х годов, стали появляться одаренные детские писатели. В обществе росло понимание значимости детской литературы. Власти пошли навстречу: появились студии, семинары, фестивали, премии. . . Государство поддержало инициативы, а газеты и журналы принялись публиковать многочисленные материалы и интервью на эту тему. Заварилась каша — и постепенно из этой каши образовалась вполне съедобная еда.

В результате сегодня сложилась действительно уникальная ситуация, — кажется, в новейшей нашей истории никогда не было такого количества молодых и талантливых людей, пишущих для детей. К тому же, помимо литературы для малышей, которой всегда уделялось особое внимание, стала развиваться подростковая литература, появились значительные литературные премии, например «Книгуру», в которой оценку произведениям дают сами подростки, и они же присуждают премии и выделяют победителей.

Дж. Ф.: Понятно, что до распада Советского Союза был железный занавес, но мы прекрасно знаем, что был и самиздат — подпольное движение неофициальной литературы. Было ли что-то подобное в детской литературе?

М. Я.: Нет, детского самиздата практически не было. Были стихи для детей, которые можно охарактеризовать как тексты, написанные на эзоповом языке: дети воспринимали их как свои, а взрослые прочитывали в них своё. Я долгое время занимался стихами Олега Григорьева, составлял его сборники. Тексты Олега Григорьева были своего рода показателем возможности детского самиздата, они бытовали как фольклор, в устном виде, их читали вслух, что может свидетельствовать о том, что детская литература в отдельных своих формах существовала как часть подпольной взрослой литературы. Был Григорьев, был Генрих Сапгир, была знаменитая «Лианозовская школа», сообщество неформальных писателей и художников, был замечательный Всеволод Некрасов, поэт, занимавшийся и детской литературой. Он составил в свое время знаменитую книжку «Между летом и зимой», сборник детских стихов и рассказов, который, как ни странно, был опублико-

ван, хотя по большей части состоял из «модернистских» текстов. Мы с Некрасовым подружились: я тогда был молодым детским писателем, приезжал в Москву, Некрасов сажал меня в глубокое кресло возле стола — я буквально провалился в него, — а хозяин дома откуда-то сверху говорил: читай!

Дж. Ф.: *А как вы познакомились?*

М. Я.: По-моему, благодаря работе как раз над этим сборником. В Москве в издательстве «Детская литература» работала редактором замечательная Марина Титова, она сводила людей одного круга, одних помыслов. Вслед за сборником «Между летом и зимой» появился еще один подобный сборник — «Сказки без подсказки». Потом, уже в девяностые, вышел сборник «Все наоборот», в котором принимали участие тогдашние более или менее молодые детские писатели. Сапгир, Некрасов, Григорьев — это были люди «второй культуры», неофициальной и неофициозной, и они занимались не только взрослой литературой, но и детской тоже. Думаю, продержись советский режим еще некоторое время, и в детской литературе обязательно появилось бы свое подполье, свой самиздат.

Дж. Ф.: *Потом все рухнуло, СССР перестал существовать, и Вы и ваши коллеги стали ездить за границу. С какими странами были самые крепкие связи у Вас лично и в русской детской литературе в целом?*

М. Я.: Мы не стали сразу ездить по всему миру, это громко сказано. Но двери, несомненно, открылись. А с кем у кого складывались связи зависело от того, где чьи тексты переводились. Пока что этот процесс идет медленно и кажется нам не очень оптимистичным. Русская детская литература, начиная с конца XVIII века, жадно впитывала все педагогические новости и открытия, идущие из Европы, все новинки европейской детской литературы: французскую литературу прежде всего, в конце XIX века — немецкую, в XX веке английскую, фольклор и поэзию нонсенса, благодаря Маршаку и Чуковскому и многим другим переводчикам. Они пристально вглядывались, переводили, старались понять, как устроена детская жизнь там, чтобы сравнить ее с нашей детской жизнью. А вот обратного процесса не происходило — или почти не происходило — по разным причинам: во-первых, потому что европейские литературы, при всей открытости и вниманию к переводу, самоцентричны, далеко не всех хотят в себя впускать. А у нас, наоборот, двери распахнуты. Во Франции наша детская литература никому не нужна, это видно даже навскидку — практически никого не переводят. Про стихи уж говорить и не стану, во Франции стихи не переводятся

и свои не печатаются. Немного лучше дело обстоит со скандинавской литературой, которая оказалась нам достаточно близка, может быть, благодаря нашим северным широтам, хотя ментальность у наших народов совершенно разная, но все-таки в России, в том числе и в советское время, очень много переводили и переводят наших соседей, и они нас переводят. Может быть, это еще связано с тем, что практически каждая скандинавская страна имеет программу по продвижению своей литературы за рубежом, там платят гранты, поддерживают переводчиков, оплачивают авторские права. Во Франции, насколько я знаю, детская литература существует только благодаря поддержке государственных и частных фондов. Если бы этой поддержки не было, издательства бы не могли выпускать детскую литературу — слишком дорого. Думаю, что в Италии та же самая история. Поэтому мне кажется, что наша сегодняшняя общая задача, европейская, как раз заключается в том, чтобы здесь в Италии, во Франции, в Испании — где угодно — начали существовать такие фонды, которые поддерживали бы переводчиков, желающих переводить нашу детскую литературу. Если бы такое случилось, это было бы значительное культурное событие. Наша детская литература мне кажется чрезвычайно глубокой и серьезной, а ребенок, где бы он не жил, должен знать, что делают дети вокруг, и не только вокруг дома, во дворе, а что делают в соседней стране и далее. Границы надо расширить, чтобы понять, как все это происходит. Наша задача — создавать европейский дом детской литературы.

Дж. Ф.: Насколько я знаю, Вы с вашими коллегами уже курируете курсы для молодых переводчиков и писателей.

М. Я.: В Петербурге при издательстве «Детгиз» существует студия молодых детских писателей. Студию мы ведем вместе с моим другом, замечательным детским писателем Сергеем Махотиним; нам очень помогает издательство и Федеральное агентство по печати, и вот уже восьмой раз мы собираем Фестиваль молодых писателей вокруг Детгиза. Мы открываем конкурс для возможных участников, в течение двух-трех месяцев к нам приходят рукописи со всей страны. Мы их отбираем — прозу, поэзию — устраиваем живой отбор и приглашаем человек пятнадцать-двадцать на несколько дней в Петербург или в то место, где мы проводим фестиваль. Мы уже проводили его в Пушкинских горах, на Украине в Одессе, в этом году мы хотим поехать в Екатеринбург, на Урал. Страна у нас большая, и, соответственно, билеты на самолет или поезд недешевы. На Урал из Сибири, например, гораздо дешевле приехать, особенно для тех молодых писателей, которые уже жи-

вут на этих территориях. А для молодых переводчиков существуют студии. У нас при Французском институте в Санкт-Петербурге уже два десятка лет работает студия перевода, которую я веду. В Москве подобная студия работает при Британском совете по культуре, и т. д.

Дж. Ф.: *Значит можно научить переводить?*

М. Я.: Научить переводить прозу можно, если есть дар и любовь к этому искусству. Научить переводить стихи практически нельзя, если переводчик сам не пишет стихи. Можно дать знание человеку, который хочет этим заниматься, что существуют и рифма, и ритм, какие-то профессиональные приемы, какое-то общение с текстом. Но невозможно научиться писать стихи, особенно детские, потому что в детской поэзии невозможно изобретать велосипед. Во взрослой можно снова повторить что-то бывшее, в детской не получится, тем более, что все детское на слуху, все напечатано. Один из самых моих главных упреков к молодым писателям заключается в том, что многие не знают, что было написано до них. Это проблема!

Дж. Ф.: *Лев Николаевич Толстой написал, что для того чтобы писать для детей? надо учиться у самих детей и у народа. Вы согласны с мыслью Толстого?*

М. Я.: Я не очень понимаю, что значит учиться у народа. У детей — я понимаю, а у народа нет. У какого народа? Покажите мне тот народ, у которого можно учиться. Народ состоит из личностей, у кого-то из этих личностей можно учиться, у кого-то точно нет.

Дж. Ф.: *А фольклор?*

М. Я.: Фольклор — немножко другая история. Когда я был моложе, то километрами читал фольклорные тексты, потом придумал и написал книжку скороговорок, книжку считалок, книжку загадок, это фольклорные жанры, их мне хотелось перевести на авторские рельсы и посмотреть, как можно с ними поработать. Помнится, случилась смешная история: я однажды где-то в Пскове купил книгу псковского фольклора, — представьте себе мое изумление, когда, открыв книгу, я обнаружил, что добрую часть сборника занимают мои стихи и стихи Олега Григорьева! Дети в каких-то деревнях Псковской области читали эти стихи как фольклорные. Надо заметить, что дети никогда не запоминают автора, но фольклорные стихи по-другому устроены, чем авторские. Так что история — загадочная.

Дж. Ф.: *С другой стороны это слава, Ваши стихи вошли в фольклор. . .*

М. Я.: В том-то и дело! Хорошо помню, как в девяностые годы строчки детских стихов «вписывались» в фольклорный обиход, ко-

гда на страницах газет или в устной речи они использовались как цитаты, как эпиграфы к тем или иным событиям общественной жизни. Мой учитель, детский поэт Валентин Берестов, писал о том, как подростковое сознание пестует подобные цитаты, а у нас все общество было подростковым, надеющимся на родительскую помощь. И в этом смысле советская детская литература — абсолютно уникальное явление в европейской культуре: такого не было нигде.

Дж. Ф.: Ваше творчество очень разнообразно. Вы и писатель, и переводчик, и консультант, организатор фестивалей, критик. . . Чему Вы уделяете больше внимания, как Вам удастся все это совмещать?

М. Я.: На самом деле я всю жизнь занимаюсь одним делом — пишу. Вот сегодня погулял, проветрил голову, и пришла какая-то строчка. Пошел писать взрослое. Но не пишется взрослое стихотворение. А может, тогда я его превращу в веселую детскую строчку? Нет, не пишется детское стихотворение. Тогда допишу какую-то статью, или рецензию на книгу. . . То есть, это процесс постоянный, если не одно, то другое, если не другое, то третье. . . Даже если не пишу, что-то обдумываю. Еще одна важная деталь: мы волей-неволей оказались на стыке двух цивилизаций — книжной и электронной. Чем это столкновение кончится, совершенно непонятно. Может, книжная цивилизация совсем погибнет и останется только электронная, может, они уживутся. Пока мы можем только формулировать вопросы. Вот и хорошая детская литература сейчас занимается не решением детских проблем, как это было в советское время — помните «Честное слово» Пантелеева, — а постановкой вопроса.

Дж. Ф.: Есть у Вас такое ощущение, что в литературе и не только в литературе, но в кино тоже, больше нет четкой границы между Добром и Злом? Раньше такое положение было общеизвестно — Добро должен победить Зло. А сейчас, мне кажется, все стало более расплывчатым. Нет ни окончательно положительного героя, ни окончательно отрицательного. . .

М. Я.: Да, это так, и, может быть, это более усилено в русской литературе, потому что у нас литература всегда была учительной, она всегда чему-то учила, а вдруг оказалось, что это учительство далеко не всегда востребовано. Как только начинаешь чему-то учить, тебе читатель говорит: «Мне это не надо». У меня есть такое ощущение, что современная, сегодняшняя детская литература началась с одного маленького рассказа Виктора Голявкина, замечательного детского и взрослого прозаика. У него есть крохотный рассказ под названием «Все куда-нибудь идет». Вот он:

После лета все во дворе собрались.

Петя сказал:

—Я иду в первый класс.

Вова сказал:

—Я во второй класс иду.

Маша сказала:

—Я в третий класс иду.

—А я — спросил маленький Боба. — Выходит, я никуда не иду — И заплакал.

Но тут Бобу позвала мама. И он перестал плакать.

—Я к маме иду! — сказал Боба.

И он пошел к маме.

Это «Я к маме иду!» — очень сильный художественный ход. Вот она, главная тема, — семья! Вот куда могут прийти поиски положительного героя! Дискуссиями на тему поисков такого героя наша нерасторопная критика занимается уже который год. А кто сказал, что он должен быть? И все равно, даже если найдется такой герой дня, всегда найдутся читатели, для которого он не будет положительным. И это вообще не цель литературы — показать, кто хорош и кто плох. Самая главная цель литературы — по крайней мере, написанной для малышей, с моей точки зрения, очень простая: литература должна учить гармонии, вкусу, такту, языку. И благодаря этому детская литература, особенно детская поэзия, учит состраданию, сочувствию, эстетическому восприятию мира.

Дж. Ф.: В детской поэзии важную роль играет не только язык, но и картинка. Вы часто работаете с Вашими иллюстраторами?

М. Я.: Далекое не всегда. С иллюстрациями сейчас, на мой взгляд, все не просто. Наши художники разучились рисовать детей, вместо них рисуют каких-то страшилищ, с торчащими зубами, с высунутым языком. Конечно, есть еще художники, с которыми я бы хотел поработать, но они либо очень дорогие, либо просто заняты, и поэтому приходится соглашаться на тех художников, которых тебе предлагает издательство. Иногда наши вкусы совпадают, но редко.

Дж. Ф.: Михаил Давидович, вернемся к началу, то есть к концу. Вы сказали, что современная русская детская литература переживает очень благополучный момент. А чего Вам не хватает?

М. Я.: Вас. Почему я взялся за «Путешествие в Чудетство»? Я люблю писать про детские стихи. Но такие книги должны прежде всего писать серьезные детские критики, но где они? Покажите мне исследователя детской поэзии. Я начал этим заниматься, потому что никто этим не занимается. Нужен какой-то человек или группа

людей, которые бы говорили: мы вам даем всю панораму детской литературы, смотрите, что здесь, а что — здесь, читайте вот это, а это — в руки не берите. В интернете есть сайты, их довольно много, где рассказывают о новых книгах, интервью берут у писателей и т. д. Материал очень симпатичный, но как определить, читают ли его, и — кто читает?

Нам очень нужны такие люди, которые могут рассказывать всему миру, какие мы хорошие — умные, талантливые, веселые, — и востребованные!

Алессандрия, 6 мая 2017